бысть Лев князь думен, и хоробор, и крепок на рати» (стр. 615). Этот положительный отзыв о Льве эдесь понятен, если учесть, что летописец сочувственно относился к борьбе Болеслава против узурпатора; в борьбе этой принимал участие и Конрад Мазовецкий, пользующийся большой симпатией волынского летописца.

Напоминает брата и Шварн Данилович в изображении волынского летописца. В нападении поляков на Холм в 1266 г. летописец косвенно обвиняет Шварна, упрекая его в лицемерии и коварстве по отношению к королю Болеславу (стр. 571). Шварна, на этот раз уже прямо, он обвиняет в поражении объединенных полков Шварна и Владимира Васильковича в битве с поляками 17 июня 1266 г. («впереде идя своим полком и не помня речи стрыя своего, и не дождав полка брата своего Володимера, и устремися на бой») — полк Владимира не мог оказать помощи «теснотою» (стр. 572). Упоминая о смерти Шварна (стр. 574), летописец даже не счел нужным посвятить ему краткий некролог с традиционным перечислением добродетелей покойного князя.

В самых резких тонах излагает волынский летописец действия Юрия Львовича. Он с осуждением упоминает о «безумьи» Юрия в походе 1277 г. на Литву (стр. 579). С осуждением рассказывает и о другом поступке Юрия: когда в 1288 г. умер Лешко Черный, претендентами на его наследство явились не только Конрад Мазовецкий, но и верный политике своего отца Юрий Львович («хотяшеть бо собе Люблина и земле Люблиньской»); в город, однако, его не пустили; тогда он дотла разорил околицы Люблина, пожег их и пограбил (стр. 599). Наглая просьба Юрия к Владимиру Васильковичу отдать ему Берестье также вызывает возмущение летописца (стр. 600). Узнав о смерти Владимира, Юрий, сообщает летописец, «въеха в Берестий и нача княжити в немь, по съвету безумных своих бояр молодых и коромолников берестьан» (стр. 611). Выехав «с великим соромом» из Берестья по настоянию отца, испуганного угрозою Мстислава Даниловича призвать татар («еще бо ему не сошла оскомина Телебужины рати»), Юрий ограбил «все домы стрыя своего», камня на камне не оставил в Берестье, в Каменце и в Бельске (стр. 612).

На первый план у волынского летописца выдвинуты Василько Романович и его сын Владимир Василькович. Последний в особенности. Повесть о болезни и смерти этого князя занимает в летописи центральное место и принадлежит к лучшим ее страницам по обстоятельности изложения, знанию мельчайших подробностей, теплоте чувства.

«Благоверный», «христолюбивый» князь Василько Романович окружен у волынского летописца подчеркнутым вниманием и симпатией. С большим удовлетворением отмечает автор тот факт, что в 1259 г. именно он, Василько, вышел навстречу Бурандаю с дарами и тем самым успел предупредить брата об опале. Именно он, Василько, а не Данил Романович, спасает Холм — стольный город брата — от татарского разорения; «сь же великий князь Василко акы от бога послан бы сть на помочь горожаном, пода им хытростью разум», — пишет летописец по этому (стр. 563). В 1262 г. Василько, «возложив упование на бога и на пречистую его матерь и на силу честнаго хреста», одержал победу над литовцами, напавшими на Мельницу; факт этот радует летописца несмотря на то, что Василько сам отчасти был виноват: нападение литовцев — месть за поход Василька с татарами на Литву в 1259 г. «Василко поеха к Володимерю с победою и честью великою, славя и хваля бога, створшаго предивная, покоршаго ворогы под нозе Василкови князю» (стр. 566). Мелкая стычка (только один человек был убит «от полка Василкова») под пером летописца приобрела значение блестящей победы, едва ли не чуда! Когда